

Мужчина должен стремиться стать самым главным или самым лучшим

Один из лучших отечественных прозаиков в период "оттепели", Анатолий ГЛАДИЛИН пользовался огромным успехом у советского читателя. Напечатал в СССР более 10 книг, в том числе два исторических романа — "Евангелие от Робеспьера" и "Сны Шлиссельбургской крепости". С 1972 года его произведения публикуются за рубежом, в 1976 году он эмигрирует во Францию, где становится ведущим обозревателем парижского отделения радио "Свобода". Наша беседа состоялась во время последнего визита писателя на родину, незадолго до его 70-летнего юбилея.

— Анатолий Тихонович, а помните ли вы еще об одном своем юбилее, который будет в следующем году? Позвольте, я зачитаю вам несколько строк из одного современного справочника: "Публикация в 1956 г. в журнале "Юность" повести Гладиллина "Хроника времен Виктора Подгурского" положила начало так называемой "исповедальной прозе". К ее предшественникам тогдашняя критика относилась Анатолія Кузнецова, Василия Аксенова, заметна ее влияние и на таких писателей, как Владимир Войнович, Битов". Наверное, это странное ощущение, когда вещи, с которой дебютировал, исполняется 50 лет?

— Подобные чувства я уже один раз испытал, когда присутствовал на конгрессе славистов Америки в Филадельфии, по-моему, в конце 1994 года. Огромные две гостиницы. Полным-полно русистов. Я прилетел с Половцем, главным редактором русскоязычной газеты "Панорама", меня попросили, чтобы я немножко постою у стенда их газеты как живая реклама. А Аксенов, который преподавал рядом, в Вашингтоне, просто прилетел за мной, чтобы потом отвезти к себе. Ну раз мы там, любопытно же, надо поприсутствовать.

Там много было разных семинаров, в том числе "Русская литература в эмиграции". Все подготовлено: докладчики, оппоненты, выступали американцы, выступали наши русские, преимущественно поздние эмигранты. Мы пришли, сели где-то сзади, сидим и слушаем. В принципе очень интересно, а у меня растет ощущение, и что это не обо мне, и что это совсем не то, и что на самом деле все не так. Заседание уже заканчивается, как правило, каждое заседание длится три часа, а потом обязательно буфет. Уже близко к вечеру, значит дело, пахнет чем-то приятным — или коктейлем, или ужином.

Вдруг председатель говорит: "Вы знаете, у нас еще осталось немножечко времени, а здесь в зале сидят Василий Аксенов и Анатолий Гладиллин. Им, наверное, есть что рассказать о нашем предмете". И вот у меня возникло ощущение, что на нас смотрят просто как на оживших покойников, или, точнее, как на духов, которых вызвали на спиритический сеанс для беседы. Вася, испытывающий что-то похожее, спокойно отвечает: "Нет, спасибо, мы не будем выступать". Тогда я действительно впервые ощутил себя живым динозавром.

— По-моему, наш читатель гораздо лучше знает те десять ваших книг, написанных в Советском Союзе, чем созданные в эмиграции. Помимо последнего романа "Тень всадника", который сейчас переиздали, я смог вспомнить только три больших произведения: "Меня убил скотина Пелл", "Большой беговой день" и "ФСФСР". Вероятно, я многое упустил?

— После моего отъезда из России их вообще было немного. Дело в том, что, когда у моих сверстников был самый творческий процесс, я 21 год, хотите назовите это: "сеял разумное, доброе, вечное", а хотите — "клеветал по голосам". И на это ушло очень много мозгов, даже просто физических сил, потому что... Аппаратура, на которой я тогда работал, сейчас выглядит совершенно допотоптной, один магнитофон весил 16 килограммов. Оно вроде и ничего, когда несешь его на плече, но все эти долгие-долгие переходы в аэропортах, чтобы взять первое интервью именно сразу по прибытии человека в страну... Да что говорить, даже батарейки к той технике были не такие, как у вашего диктофона — пальчиковые, а давали с собой штук 12 батареек, чтобы я их перезаряжал по ходу беседы. Работа эта совсем не простая, это сейчас можно сказать, что где-то кто-то в России работает так интенсивно, как все последние десятилетия работают западные журналисты. Я имею в виду не качественные, а количественные требования.

— В одном из интервью вы говорили о статье в день, но ведь это нагрузки невозможные.

— Возможные — для западного журналиста. Я старался им соответствовать, и то, помню, приходилось слушать такие замечания, что Гладиллин пользуется своим начальственным положением в Париже и пишет не каждый день. Хорошо, когда есть определенное задание: сегодня такая-то тема, на которую есть нужная статья на французском. Тогда все просто: берешь статью и переводишь ее. Это пустяк, а не работа. Но, как правило, сочинять материал надо самому.

После такой работы невозможно было даже и думать о том, чтобы писать что-то свое, вдобавок я старался блюсти определенную марку, все-таки я — Гладиллин, и если делаю какую-то политическую статью, то все равно мне надо стараться быть на уровне. А после "трудовой вахты" мне

А.Гладиллин

нужно было совершить очень длинную пешую прогулку, чтобы как-то проветрилась голова к завтрашнему дню. Значит, я писал в отпусках, писал в уик-энды, а эдак много не напишешь. Мои 10 книг в советские времена объясняются тем, что все-таки я был преимущественно вольным стрелком. Конечно, и тогда были периоды, когда я служил, но это невозможно сопоставить с нагрузкой журналиста на Западе.

Кроме упомянутых вами четырех произведений, у меня вышла еще пара книг, но одна из них — это сборник рассказов, который я практически весь написал еще в Советском Союзе, просто там он был "непроходным". Элендеа Проффер напечатала его в "Ардисе" под названием "Каким я был тогда". Потом в 1992 году его переиздали в России уже с другим названием — "Беспокойник" — еще очень неплохим тиражом: 50 тысяч, и попросите эту книжку где-нибудь сейчас найти. А другой сборник, "Парижская ярмарка", мне собрал издатель из моих лучших, с его точки зрения, очерков и фельетонов, которые сначала звучали на радио, а потом печатались в одной нью-йоркской русской газете.

— Эта книга выходила у нас?

— Да. А вот "Скотину Пелла" я написал, естественно, тогда, когда закрыли мой отдел на радио и я сам тоже был уволен. Тут только одно серьезное несоответствие моей биографии: роман про безработного, а сам-то я безработным не был никогда. Я просто перешел на "Немецкую волну", как говорится, на следующий день, только у меня уже не было прежнего начальственного и материального статуса. Как я говорил, на "Свободе" была тяжелая работа, но мне и платили очень хорошую зарплату. А на "волне" я был, по сути, вешатником: я стал ее парижским корреспондентом и жил отныне по принципу — сколько напишу, столько и заработаю. Тему для романа мне подарила жизнь, но реализовать замысел я смог только потому, что у меня появилось больше свободного времени.

— Боюсь, что для нашего читателя знакомство с этой вещью оказалось чуть-чуть преждевременным. В середине 90-х проблематика романа стала нам близкой и понятной.

— Вы знаете, а я удивился, что в 91-м роман приняли холодно. Я говорю, ребята, вы даже не представляете, что такое безработица. К вам в Россию это придет, но у вас людям будет очень плохо, куда хуже, чем на Западе. Потому что у вас нет тех защитных мер, той социальной подушки, на которую западные безработные падают. Я и вправду никогда не был безработным. Но мог просто годами получать пособие и так дотянуть до пенсии.

— Какую из своих книг вы считаете главной?

— Долгие годы я считал, что у меня в отличие от большинства других близких мне по духу прозаиков такой книги нет. Если вспомнить названных вами в начале нашего разговора писателей, то у каждого из них есть какая-то своя главная, основная книга. Допустим, при имени Войнович все скажут, ну конечно, "Чонкин", Владимир — это "Верный Руслан", Кузнецов — "Бабий яр", Битов — естественно, "Пушкинский дом".

— А у Аксенова?

— Вы правы, с Аксеновым сложнее. Потому что раньше я называл "Ожог", но теперь мне очень нравится его сборник рассказов "Негатив положительного героя". Вася обладает феноменальной чертой, которой я завидую, — совершенно фантастической работоспособностью. Он пишет очень много и непохоже на других, у него свой выработанный стиль. Я не хочу сказать, что он сейчас пишет замечательные книги, но я хочу сказать, что он пишет замечательно.

А вот со мной получается... Ну, хорошо, вспомнят "Хронику времен

Виктора Подгурского". Она, конечно, книга неплохая, но, если говорить объективно, с литературной точки зрения, в принципе, слабовата. Она мне принесла самую большую известность, но только потому, что вышла в нужное время в нужном месте. Если бы ее издали сейчас, совершенно другое было бы восприятие.

Когда вдруг пришел замысел последнего романа "Тень всадника", я подумал, что это будет моя лучшая вещь. Впрочем, у меня так часто бывает, каждая моя книга, когда ставлю точку, мне кажется лучшей: все, больше я ничего подобного уже не напишу. И в каждой книге я выкладываюсь вроде бы до конца. Но раньше, в советское время, я писал повесть за месяц. Правда, правка занимала год, но что это была за правка? Ее уродуют, уродуют, потом говорят, порядок, годна к публикации. Причем уродуют, как правило, люди, которые тебя любят и, любя, объясняют: "Ну, Толя, если хочешь, чтобы вещь напечатали, то, понимаешь, вот этот абзац не может пройти. Или перепиши его, или подопри другими".

— Но зато какой тогда был читательский отклик. Произведения опубликовали, половину вырезали, но эту изрезанную вещь люди читали в захлеб.

— Вы знаете, я хочу сказать, может, и к стыду своему, что мне нравилось, когда мне делали комплименты за стиль, за язык, но самой главной наградой за свой труд я тогда считал вот такие выпученные глаза у человека, который подходит ко мне, трясет руку и спрашивает: "Анатолий Тихонович, а как вообще могли пропустить эту книгу?", то есть как мне удалось так обмануть цензуру.

А над "Тенью всадника" я сидел четыре года, ото всех запершись. Раньше я писал сразу начисто, а не перышком, как учил меня старик Катаев, и только в этот раз я внял его совету. Потом опять же перышком ее переписал всю. А вещь получилась большая, ее полный вариант был напечатан "Олимпом". То, что переиздало потом "ОЛМА-ПРЕСС", это несколько сокращенный вариант, подогнанный под их конкретную издательскую серию.

И сейчас я по-прежнему считаю, что это моя лучшая, главная книга, даже хотя бы потому, что вряд ли у меня когда-нибудь еще ну просто достанет сил освоить и переработать столь огромный исторический пласт. В этом романе я попытался осмыслить 200 последних лет человеческой истории, связанных одним героем, который проживает их под разными обликами, постоянно меняя свое социальное положение. Я постарался дать свое осмысление таких явлений, как судьба, любовь, смерть. Но в первую очередь роман посвящен проблеме власти, борьбы за нее.

Потому что мужчина — это карьерное животное, понимаете? Женщина может существовать семьей, любовью, красотой, личной жизнью, а мужик, если он нормальный мужик, всегда честолюбив. Он стремится быть или президентом, или самым главным критиком, или самым лучшим сапожником, но обязательно — лучшим, главным.

В общем, некоторые, как мне кажется, вечные вопросы я в романе поставил, а серьезность проблематики я постарался уравновесить остротой и динамичностью, неожиданными поворотами сюжета. Не знаю, найдет ли эта книга своего читателя, но мне самому она нравится.

Беседу вел Павел НУКИН

PS. За последние годы отечественные издательства выпустили следующие книги А.Гладиллина:

"Большой беговой день". Романы. М.: "Вагриус", 2001.

"Меня убил скотина Пелл". Роман. М.: "Олимп", "АСТ", 2001.

"Тень всадника". Роман. М.: "ОЛМА-ПРЕСС", 2004.